

Предметные виды судебно-психологической экспертизы, назначаемой в связи с телефонным мошенничеством

 Ф.С. Сафуанов^{1,2}, О.Ф. Савина¹, М.В. Морозова¹, Ю.О. Переpravина^{1,2}

¹ ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва 119034, Россия

² ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва 127051, Россия

Аннотация. Характеристика психического (психологического) состояния жертв преступников, представленная в статье, была составлена на основе анализа практики судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, связанных с телефонным мошенничеством. Специфическое состояние психики жертв послужило причиной совершения ими определенных действий, в числе которых общественно опасные деяния, либо предоставление третьим лицам конфиденциальной информации, необходимой для хищения их денежных средств. Изучены социально-психологические механизмы формирования и развития такого состояния. Выделены основные принципы манипулирования сознанием и поведением: апелляция к значимым ценностям и мотивам, учет индивидуально-психологических особенностей жертв, создание условий закрытой от воздействий извне коммуникации с целью формирования зависимого поведения. Исследование механизмов психики пострадавших показало, что базовой характеристикой психологического состояния жертв является состояние заблуждения, в основе которого лежит ошибочное смысловое восприятие и оценка ситуации под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников. В зависимости от того, в какой процессуальной роли жертвы выступают в судебном процессе – потерпевшего, истца или обвиняемого, – юридическое значение судебно-психологической оценки такого состояния будет различным, что и определяет описанные в статье экспертные понятия как частные предметы судебных экспертиз с участием психолога.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, жертвы телефонного мошенничества, беспомощное состояние, порок воли, невиновное причинение вреда, мнимая крайняя необходимость

Для цитирования: Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Переpravина Ю.О. Предметные виды судебно-психологической экспертизы, назначаемой в связи с телефонным мошенничеством // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 1. С. 6–19.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>

Subject Types of Forensic Psychological Examination Assigned in Connection with Phone Fraud

 Farit S. Safuanov^{1,2}, Ol'ga F. Savina¹, Marina V. Morozova¹, Yuliya O. Perepravina^{1,2}

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow 119034, Russia

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow 127051, Russia

Abstract. Characteristics of the mental (psychological) state of the victims of criminals presented in this article was based on the analysis of the practice of forensic psychological and complex forensic psychological and psychiatric examinations related to phone fraud. Victims' specific state of mind led to certain actions, including offences or the transfer of confidential information necessary to steal their money. The sociological and psychological mechanisms of how this condition is formed and develops have been studied. The authors have highlighted the basic principles of consciousness and behavior manipulation: appeal to significant values and motives, considering victims' individual psychological characteristics, creating conditions for communication isolated from outside influences to form dependent behavior.

The study of the mechanisms of the victims' psyche showed that the basic characteristic of their psychological state is delusion, which is based on the incorrect semantic perception and

assessment of the situation under the influence of fraudster's psychological manipulation. Depending on the procedural role of the victim in the trial – victim, plaintiff or accused – the legal significance of the forensic psychological assessment of such a condition will be different, which defines the expert concepts described in the article as sub subjects of forensic examinations with the participation of a psychologist.

Keywords: *forensic psychological examination, complex forensic psychological and psychiatric assessment, victims of phone fraud, helpless condition, vice of will, innocent infliction of harm, imaginary emergency*

For citation: Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Perepravina Yu.O. Subject Types of Forensic Psychological Examination Assigned in Connection with Phone Fraud. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 6–19. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>

Введение

Новые предметные виды судебно-психологической экспертизы (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), как правило, формируются вслед за изменениями уголовного, гражданского и семейного законодательства. Так, введение Уголовного кодекса Российской Федерации (1997 г.) обусловило разработку таких новых видов экспертизы как КСППЭ ограниченной вменяемости [1, 2], возрастной невменяемости [3] и видоизменение принципов СПЭ аффекта [4, 5]. Введение нормы ограничения дееспособности вследствие психического расстройства в гражданском процессе (п. 2 ст. 30 ГК РФ) привело к появлению КСППЭ ограниченной дееспособности [6]. Возникновению новых видов комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы способствовало и введение в законодательство новых норм, таких как ст. 110.2 УК РФ [7], ст. 280.3 УК РФ [8], ст. 6.21 и ст. 6.21.1 КоАП РФ [9] и др.

В более редких случаях формирование новых видов СПЭ определяется не изменением законодательных норм, а появлением новых форм преступлений, которые ставят перед правоприменителем задачу юридической квалификации действий и психических состояний фигурантов дела (потерпевших, обвиняемых, истцов или ответчиков), и, соответственно, перед экспертом-психологом – задачу разработки предмета экспертизы.

В настоящее время резко возросло число преступлений, связанных с телефонным мошенничеством. В первую очередь они стали объектом внимания юридического научного сообщества. Поиск по ключевым словам, связанным с телефонным, дистан-

ционным, мобильным мошенничеством, показал в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ) 233 источника, 209 из которых опубликованы в течение 5 последних лет.

За прошедшие два года стало возрастать и количество СПЭ и КСППЭ, связанных с этим видом преступности. Объектами таких экспертиз чаще всего становятся потерпевшие, которые под влиянием злоумышленников снимают со счетов большие суммы денег, переводя их на «безопасные счета», берут кредиты, продают квартиры, совершают другие виктимные действия. В гражданском процессе те же люди могут выступать в качестве истцов, оспаривающих действительность совершенных ими под влиянием мошенников сделок. В последнее время в практике судебных экспертиз с участием психологов стали появляться обвиняемые, совершившие общественно опасные деяния (поджоги государственных учреждений, объектов инфраструктуры; перевод денег на счета ВСУ) вследствие психологического воздействия со стороны преступников.

Вместе с тем, до сих пор не проводилось судебно-психологического анализа предмета экспертиз в отношении таких потерпевших или сторон гражданского процесса по признанию сделки недействительной. Можно назвать единичные работы, в которых анализировались СПЭ и КСППЭ жертв обычного (не телефонного) мошенничества [10, 11]. Вне проблемного поля судебной экспертологии проведены немногочисленные исследования, посвященные личностным особенностям жертв телефонного и иных видов дистанционного мошенничества [12–18]. На основании результатов экспериментальных исследований были

выделены такие личностные характеристики пострадавших как позитивный образ мира, организованность, целеустремленность, доброжелательность, приоритет интересов группы, эмоциональный интеллект, ценность безопасности, высокий самоконтроль. Проблема психического (психологического) состояния жертв телефонного мошенничества освещалась авторами лишь косвенно.

В частности, в статье Н.В. Мешковой, В.Т. Кудрявцева, С.Н. Ениколопова содержится крайне важный вывод: «Феноменология виктимности может быть представлена в диапазоне от “страха потерять” до “стремления обогатиться”». Причем «страх потери» может являться более сильным фактором манипулирования, поскольку доверчивая жертва загоняется в безальтернативную ситуацию, тогда как обогащение предполагает «вилку возможностей»: от готовности рисковать дальше и, в итоге, оказаться (или не оказаться) жертвой мошенничества до сдерживания рисков («вовремя выйти») и полного отказа контактировать с мошенниками» [15, с. 143].

Что касается лиц, совершивших правонарушения вследствие дистанционного влияния, правовая квалификация их деяний не освещается даже в юридических работах.

Таким образом, **целью исследования** является анализ психологических механизмов виктимного поведения жертв телефонного мошенничества и выявление психологических критериев судебно-экспертной оценки их психического (психологического) состояния в разных экспертных ситуациях.

Нарушения осознанной регуляции психической деятельности у жертв телефонных мошенников

Практика СПЭ и КСППЭ позволила обобщить специфические особенности взаимодействия преступника и его жертвы, которое осуществлялось посредством телефонных переговоров и обмена сообщениями в мессенджерах. На фоне значительного расшатывания личных границ и сужения личного пространства из-за внедрения в частную жизнь цифровых технологий лицам с развитым чувством долга, ответственности и чертами высокой тревожности свойственно неосторожное поведение. Для них субъективно неприемлемо не ответить на телефонный звонок неизвестного (противоречит конформным установкам и доверию к

миру), что приводит к неминуемому вступлению в контакт с мошенниками, открывая последним возможность формирования информационного поля с постепенной заменой объективной реальности мнимой, иллюзорной.

Некоторые авторы относят действия телефонных мошенников к методам социальной инженерии. Выделяют претекстинг – вид мошеннических действий, когда преступник отрабатывает заранее подготовленный сценарий, и вишинг, при котором преступники, используя телефонную коммуникацию, стимулируют людей к выдаче конфиденциальной информации или совершению определенных действий [19].

В целом, технологии воздействия телефонных мошенников являются вариантом психологической манипуляции. На основании анализа материалов уголовных дел и ретроспективного самоописания подэкспертных из разнообразного и широкого смыслового поля психологического феномена манипуляции [20–22] нами выделены основные признаки, позволившие отнести к ней данную криминальную активность.

Манипулятивное поведение направлено на превращение личности в средство влияния через *апелляцию к значимым ценностям и мотивам*. Для достижения цели мошенники прибегают к преобразованию информации, приданию ей секретного характера, утаиванию части сведений; созданию иллюзии реальности и свободы в принятии решения, совершению поступка с навязыванием желательных целей, имитации процесса самостоятельного выбора между альтернативными мотивами. Важную роль играют способ и момент подачи информации. Процесс манипуляции с разработанной ролевой структурой и динамикой, индивидуальными сценариями воздействия характеризуется планомерностью, вариативностью и постоянством с наращиванием давления, интенсивности, а изменения психических характеристик состояния субъекта являются его следствием, что осознается только по достижении преступного результата, когда обман становится очевидным. В отличие от обычной манипуляции контроль и ответственность за развитие событий жертве не делегируются.

Эффективность внешнего воздействия на подэкспертных определялась не только использованием профессиональных технологий, но и *индивидуально-психологическими особенностями подэкспертных*, ока-

завшихся чувствительными именно к такого рода манипуляциям. Звонившие представлялись работниками банка и/или силовых структур, сообщали об угрозах счетам и картам пострадавших и навязывали мероприятия, якобы этому препятствующие. Далее в зависимости от ответных реакций и поведения жертвы обмана их побуждали к совершению ряда действий, которые иногда выходили за рамки финансовых и фактически носили деструктивный характер, однако им придавался смысл предотвращения преступления и даже подвига. Подэкспертным были свойственны достаточно высокий интеллектуальный уровень, просоциальные установки, нередко подкреплявшиеся личным опытом позитивного взаимодействия с государственными органами и представителями власти. Эти лица были социально адаптированы, способны к принятию и реализации самостоятельных решений с приоритетом опоры на собственные силы, а их алгоритмы целедостижения были эффективные, но недостаточно гибкие.

Они считали себя практичными и прагматичными, однако по результатам экспериментально-психологического исследования оказались достаточно тревожными и уязвимыми, что преодолевалось нормативностью, осторожностью, избирательностью и самореализацией.

Несмотря на коммуникабельность, внутренне подэкспертные были скорее избирательно общительными и редко делились с другими своими проблемами, сохраняли дистанцию; в то же время могли иметь глубокие устойчивые привязанности к родным (родителям, детям). Согласно их самоотчетам, до контакта с мошенниками они жили обычной жизнью. Вместе с тем у них, как правило, выявлялось напряжение механизмов совладания, обусловленное либо внутренними переживаниями, либо утомлением.

При самоотчетах подэкспертные объясняли телефонное взаимодействие, представлявшееся им в момент разговора конструктивным, презумпцией справедливости, доверием к привычным атрибутам законных действий (телефонный номер с наименованиями государственных структур, «синяя» печать), осведомленностью звонивших в частных деталях, доступной, по их мнению, лишь правоохранительным органам. Манипуляторы апеллировали к общим и индивидуально значимым ценностям (правопослушности, патриотизму, сотрудничеству, сохранению благососто-

яния и др.); их высказывания и требования не входили в противоречие с личностными смыслами и установками подэкспертных. Благодаря этому при сохраненных когнитивных функциях формировалась predisposition восприятия иллюзорной информации как реальной, а навязанных действий как легитимных, одобренных «сверху» и безальтернативных. Для подэкспертных отсутствовала проблемная ситуация как таковая: сообщение о наличии «угрожающего» фактора сопровождалось готовым решением. Мотивы, последовательность целей и способы их достижения актуализировались преступниками; деятельность жертв была инициирована и структурирована извне, но принималась подэкспертными как общая, совместная. Кроме того, они получали «авторитетную» и «авторитарную» санкцию на рискованные и неоднозначные по своей сути действия.

Воздействие на подэкспертных было достаточно длительным – вплоть до нескольких месяцев; при этом они были включены в обычную жизнь, с большей или меньшей продуктивностью функционировали в разных сферах. Совместная с мошенниками деятельность обособлялась в общей структуре; она реализовывалась в условиях *закрытой от воздействий извне коммуникации* (с запретом общения и разглашения якобы секретной информации) и *психологического сопровождения* (убеждения и давления). Она имела свою динамику, которая выражалась в преодолении/нагнетании проблем, имитации безвыходности положения, драматизации. У подэкспертных наблюдалось эмоциональное напряжение с нестабильным уровнем. Наблюдался широкий диапазон переживаний – от растерянности до страха и отчаяния. Активное внешнее давление и эмоциональная составляющая (аффективная логика суждений) обуславливали парциальные, но выраженные изменения когнитивных процессов, которые сами по себе нарушены не были, однако осмысление событий происходило в системе иллюзорных реалий. Именно поэтому критические и прогностические функции не были редуцированы, а лишь направлены на противодействие иному взгляду на происходившее (сопротивление попыткам разубеждения).

В процессе взаимодействия, преодоления иллюзорных проблем у подэкспертных возникали обусловленные этим личностные смыслы, которые усиливали внешнюю

мотивацию внутренними побуждениями довести начатое до конца. Происходила идентификация не с самим звонившим, а с формируемым им образом Я, соответствие которому получало положительное подкрепление, а противоречие – росту эмоционального напряжения, провоцируемого мошенниками.

Проведенный психологический анализ позволяет говорить о формировании у подэкспертных *зависимого поведения* вследствие манипуляции. Сложная по своей структуре пролонгированная деятельность, не противоречащая ведущим мотивационным образованиям, сводилась к набору конкретных действий при отсутствии собственного целеполагания, выбора и принятия решения, критической оценки адекватности и эффективности задаваемых извне способов, целостного осмысления промежуточных и конечных результатов. Подэкспертные понимали финансовый характер совершаемых ими действий (перевод средств на другие счета, оформление кредитов (в том числе под залог квартир), ипотеки, и др.), однако приписываемое им значение было искажено и трактовалось в контексте иллюзорной реальности (вывода денег с «опасных счетов», гарантии компенсации средств со стороны государственных структур, бдительности, альтруизму). Таким образом, жертвы обмана имели особый психологический статус, наиболее точным определением которого является *«состояние заблуждения»*, в основе которого лежит *ошибочное смысловое восприятие и оценка ситуации под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников*.

Как указывалось выше, поведение жертв телефонного мошенничества может приводить к разным судебным ситуациям, в которых они приобретают различный процессуальный статус. Наиболее часто они выступают в качестве *потерпевших* – лиц, которым причиняется имущественный вред. Реже жертвы мошенничества становятся участниками гражданского процесса – *истцами*, оспаривающими действительность сделки. И в отдельных случаях они становятся *обвиняемыми* в таких преступлениях, как террористический акт (совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий), государственная измена (перевод денег на счета недруже-

ственных государств, что квалифицируется судом как оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в осуществлении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации), а также умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Соответственно, возникают три судебно-психологические экспертные ситуации, отличающиеся друг от друга предметом экспертизы и их юридическим значением. Рассмотрим подробно упомянутые ранее ситуации, опираясь на принципы судебно-психологической экспертологии.

Судебно-психологическая экспертиза потерпевшего

Правовой анализ. Если проблема беспомощного состояния при преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности подробно изучена в теории СПЭ, разработаны критерии судебно-психологической экспертной оценки способности потерпевшего понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному лицу вследствие своего физического или психического состояния, то эта же проблема по другим категориям уголовных дел раскрыта лишь в единичных работах [10]. В отличие от ст. 131 и ст. 132 УК РФ беспомощное состояние жертв общественно опасных деяний не сексуальной направленности является не признаком состава преступления, а одним из обстоятельств, отягчающих наказание. Согласно п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ таким обстоятельством является «совершение преступления в отношении ... беззащитного или беспомощного лица».

Экспертологический анализ. С психологической точки зрения правовое понятие «состояние беспомощности» означает неспособность к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения. В основе этого лежит нарушение способности понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) либо оказывать ему (им) сопротивление, что и составляет предмет данного вида экспертизы.

Пример 1. Потерпевшая Ч., 48 лет. Под влиянием неизвестных лиц, которым инкриминируются мошеннические действия, совершила сделку договора займа, залога недвижимого имущества с целью погашения кредитов. Ч. имеет высшее образование,

степень кандидата наук, работает руководителем среднего звена. Ранее состояла в гражданском браке, детей не имеет. Социально активна, самостоятельна, всегда доводит начатое до конца. Последнее время Ч. нервничала из-за «трудностей на работе после смены руководства». По ее мнению, попала «под воздействие» лиц, представившихся сотрудниками правоохранительных органов, полагала, что, спасая свои сбережения, одновременно «участвует в операции по выявлению недобросовестных сотрудников банков». Ч. всегда доверяла полиции (дед был участковым милиционером); помимо защиты своих вкладов и перевода денег на «безопасные счета» ей «надо было исполнить свой гражданский долг», «было интересно поучаствовать в чем-то важном»; Ч. «ощущала ответственность за 150 человек в подобной ситуации», ведь «их обманывают». Сомнений в таком способе сохранить деньги у нее не было, альтернатив потерпевшая не видела. Позднее Ч. «поделилась только с полицией, а до этого был стопор, говорить было нельзя», злоумышленники «несколько раз говорили, важно никому не рассказывать, предупреждали об уголовной ответственности». Доверие к звонившим подкреплялось тем, что «они были участливы, спрашивали о делах, самочувствии, возможности сделать» требуемое. Звонили несколько раз в день, отчего потерпевшая «чувствовала, что все время на контроле». «Сотрудники полиции» говорили уверенно, четко, потому Ч. послушно следовала всем инструкциям, ведь, по ее словам, «очень достоверно все было». Свои действия считала правильными и нужными для следствия, так как видела, что помогает «вывести мошенников на чистую воду через банкоматы»; значимости денег в тот момент не ощущала, они «были не главными», важно было «все сделать до конца», «помочь».

При экспериментально-психологическом исследовании у Ч. были выявлены: просоциальная личностная направленность, развитое чувство долга, ответственность, стеничность, особенно в вопросах профессиональной самореализации, самостоятельность, гибкость в выборе стратегий и принятии решений. Отмечается общительность, избегание конфронтации, высокая потребность в уважении, признании другими ее усилий и достижений, а также значимость сопричастности, вовлеченности в совместную деятельность при адекватной самооценке. В привычных обстоятельствах

для Ч. характерен высокий уровень самоконтроля, она исполнительна и педантична. На фоне некоторой эгоцентричности восприятия Ч. возможны недостаточный учет объективных обстоятельств и актуализация ригидных личных установок с повышением значимости этапа контроля своих действий, опора исключительно на собственные ресурсы. В субъективно сложных, нестандартных и фрустрирующих ситуациях потерпевшая склонна к реакциям растерянности. При отсутствии внушаемости проявляет податливость в случае директивности или неопределенности.

В период совершения мошеннических действий в условиях манипулятивного воздействия у Ч. был актуализирован соответствующий ее личностным смыслом мотив помощи правоохранительным органам. Цель была задана потерпевшей извне. Предъявляемые Ч. требования апеллировали к таким ее качествам как организованность, умение работать в группе, исполнительность, четкость в достижении конкретных задач. От Ч. не потребовалось осмысления социального контекста, выбора и принятия решения; предложенные ей средства достижения цели воспринимались как единственно правильные и безальтернативные. Деньги утратили свою ценность, превратившись в инструмент реализации цели помочь людям. Запрограммированный извне алгоритм действий в структуре навязываемой ей деятельности при отсутствии времени на размышления способствовал фиксации исключительно на операциональном составе. Критические функции Ч. были существенно ослаблены, а прогноз искажен. Сформировавшееся у потерпевшей психологическое состояние заблуждения определяло ее зависимое поведение и препятствовало адекватной смысловой оценке ситуации, способность понимать направленность и социальное значение совершаемых с ним действий и оказывать сопротивление в период совершения финансовых сделок была нарушена.

Судебно-психологическая экспертиза истца

Правовой анализ. Юридическое значение данного предметного вида СПЭ или КСПЭ определяется ст. 177 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими»: сделка, совершенная гражданином, хотя и

дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина.

Экспертологический анализ. Предметом данного вида экспертизы выступает нарушение способности субъекта к осознанному принятию решения и его целенаправленному исполнению как психологического эквивалента юридического критерия ст. 177 ГК РФ [23]. Фактором, определяющим нарушения осознанной регуляции своих действий при совершении сделки, выступает состояние, которое охватывает и психические расстройства, и психологические состояния, не сопровождающиеся психопатологическими проявлениями. При СПЭ лиц, совершивших финансовые сделки под влиянием телефонных мошенников, основной причиной неспособности принятия решений выступает нарушение понимания существа сделок вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации, неадекватных представлений о существе подписываемых договоров. Регуляторные способности также оказываются нарушенными, поскольку исполнение принятого решения основано на неправильно и несвободно сформированной цели. В результате их поведение полностью зависит от манипулятивных действий преступников. Следует отличать этот вариант зависимого поведения психически здоровых людей от механизма поведения, податливого к воздействию окружающих и уязвимо к обману, при принятии решений у лиц с психическими расстройствами, определяющими их нарушения мышления, некритичность, социальную дезадаптацию [24].

Пример 2. Истец Л., 37 лет, оспаривает договор залога недвижимости. Имеет среднее специальное и дополнительное образование, работает по временным договорам. Момент звонка «сотрудников ФСБ» совпал с плохим самочувствием, вследствие чего истец испытала сильный страх, узнав об угрозе потери денег: «Я как отключилась, в голове была только одна мысль: “Я должна спасти деньги, спасти свое имущество”, мне говорили что делать, я делала». Уверение, что можно решить неожиданную опасную проблему, представилось «спасением», уверенный голос, четко диктующий команды, поддерживающий напор, наличие информации об Л. как о клиенте, скорость, чтобы не дать времени для размышления,

способствовали согласию («думала, по-другому действительно нельзя»); когда она «была внутри этих событий, все было логично». «Не давали одуматься, не разрешали кому-либо что-то говорить, куда-то постоянно гоняли», «в панике покорно следовала всем командам, был постоянный мандраж». Сомнения у истца Л. возникли, когда после совершения сделки «сотрудники не пришли на встречу», после чего она «сама пошла в ФСБ».

Для Л. характерны опосредованные формы поведения, корректность, доброжелательность, она достаточно хорошо ориентирована в привычных жизненных ситуациях, дифференцировано подходит к разрешению подобных проблем. В субъективно сложных, неожиданных ситуациях испытывает затруднения в их анализе и конструктивном разрешении при неустойчивости самооценки, зависимости от внешних параметров и воздействий, легко актуализируемой тревожности и нерешительности с реакциями растерянности. Отмечается сдержанность в проявлении эмоций со склонностью к внутренней переработке переживаний, избирательная общительность при умении устанавливать широкие поверхностные контакты с потребностью в доверительных, эмоционально близких отношениях, поддержке. Уровень эмоциональной устойчивости и самоконтроль поведения в целом достаточные.

Выявленные у Л. индивидуально-психологические особенности способствовали актуализации тревоги и чувства страха вследствие угрозы ее денежным средствам. Навязываемый ей алгоритм действий, четкость указаний и требований при многозадачности и срочности их реализации способствовали субъективной безальтернативности транслируемых ей решений в связи с трудностями целостного осмысления всех деталей, компонентов ситуации и своего положения. Отмечались ограничение поля восприятия вследствие внешнего давления, фиксации на угрозе и защите своей безопасности, повышенное эмоциональное напряжение, что обусловило ориентацию только на внешние параметры ситуации без учета социально значимых, неблагоприятных и препятствующих факторов, а также растерянность, угнетение способности подэкспертной контролировать возникающие импульсы и прогнозировать последствия своих действий.

Отмечались снижение ресурсов волевой регуляции деятельности, ситуативность поведения, неспособность противостоять сложившимся обстоятельствам и находить конструктивный выход из такого положения, легкость принятия чужой позиции без ее анализа и оценки возможных результатов и последствий своих действий, податливость влиянию значимых лиц с готовностью к реализации транслируемых ей решений. Выявлены недостаточность критических и прогностических способностей, трудности оценки адекватности собственных действий происходившему, непонимание социальных последствий своего поведения. Особенности личности Л. в условиях направленного манипулятивного воздействия способствовали возникновению состояния заблуждения и психологического зависимого поведения, что препятствовало при формальном понимании характера собственных действий осознанию их значения, возможности руководить своими действиями при совершении сделок.

Судебно-психологическая экспертиза обвиняемого

При библиографическом поиске не удалось найти юридический анализ ситуации, в которой под влиянием манипулятивных воздействий телефонных мошенников человек совершает общественно опасные деяния, которые можно квалифицировать как террористический акт (ст. 205 УК РФ), государственную измену (ст. 275 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ) и т. п. Вопросы правовых последствий такого рода правонарушений в юридической литературе не представлены. Однако для определения предмета СПЭ необходимо четкое уяснение юридического значения заключения экспертов.

В отличие от первых двух судебно-экспертных ситуаций мы сейчас не имеем возможности обратиться к уже существующим наработкам в области анализа беспомощного состояния и порока воли, потому перед правовым анализом данной ситуации приведем один из типичных примеров.

Пример 3. Подэкспертная Р., 55 лет, обвиняемая по ст. 167 УК РФ. Воспитывалась в строгости, родители занимали руководящие должности и были «трудолюбивы, умны, добры и честны». Окончила вуз, яв-

ляется начальником среднего звена. Акцентирует внимание на значимости для нее доведения всех дел до конца, проявления настойчивости и терпения. После двух лет брака в связи с трагической гибелью мужа испытала «стресс», но продолжала работать, несмотря на субъективные сложности. Занималась волонтерской деятельностью. По словам Р., до инкриминируемого ей поджога входа в здание, она, направляемая «сотрудниками Центробанка, ФСБ» (звонок по номеру 900, корректные детали ее счета), взяла кредиты и займы на крупную сумму у знакомых, полагая, что спасает свои деньги от «списания мошенниками» и участвует в «специальной операции», направленной на предотвращение террористического акта со стороны неонацистского подразделения недружественного государства. Мошенники утверждали, что «могут действовать только через проверенных людей», манипулировали чувством ответственности: «Возлагаем на Вас больше надежды», пугали уверениями: «Если за Ваш счет взяли, то не отстанут».

Р. постоянно находилась на связи с «сотрудниками», подписала документ о секретности сведений, испытывала «доверие, ответственность, ощущение на равных», с ней делились планами и советовались, утверждали: «Вы проверенный человек, мы с Вами прошли долгий путь с кредитами». Осуществляя поджог здания, в котором, по сообщениям «сотрудников», засели террористы, считала это сигналом о начале общего штурма. После задержания и предъявления Р. обвинения еще несколько дней была уверена, что «откроется дверь и скажут: “Спасибо, на выход!”». В настоящее время испытывает стыд за содеянное.

При экспериментально-психологическом исследовании у Р. выявляются просоциальная направленность личности, развитое чувство долга, исполнительность, стремление к избеганию конфронтации, общительность, потребность в уважении и сопричастности при неустойчивой самооценке, высокая чувствительность к внешним воздействиям. Высокий уровень произвольной регуляции в нейтральных ситуациях, стеничность, самостоятельность сочетаются с реакциями растерянности и податливости в субъективно сложных обстоятельствах, особенно при директивности других. Выявлен некоторый эгоцентризм восприятия с легкостью актуализации личных ригидных ценностных установок – зна-

чимость своей социальной полезности, самоотверженности, доведения обещанного до конца.

В исследуемый период информация об угрозе денежным средствам была для Р. субъективно неожиданной, вызвала тревогу, но предложенный ей четкий алгоритм действий – участие в «спецоперации» – вызвал уверенность в надежности сообщений. Хотя мотив помощи ФСБ был задан извне, он полностью соответствовал личностным смыслам Р., ее ведущие ценности остались неизменными. Получая последовательные инструкции от «сотрудников», Р. обсуждала с ними происходящее, чувствовала сопричастность, нарастала ее личная включенность в события, хотя она и неверно осмысляла их социальный контекст. Целеполагание, процесс принятия решения, поиск адекватных средств достижения цели в структуре навязываемой ей деятельности отсутствовали; звенья оценки, критические функции и прогноз были искажены и/или редуцированы. Требования апеллировали к таким качествам Р. как организованность, исполнительность, четкость, умение работать в группе; инструкции способствовали фиксации Р. на операциональной стороне действий, а их соответствие социальным нормативам утратило свою важность в контексте гуманистической цели: они были соподчинены мотивационным образованиям более высокого порядка (альтруизм, правопослушность, патриотизм). В связи с этим претерпел трансформацию смысл конкретных действий – поджог входа в здание отвечал задачам «операции» и являлся сигналом о штурме здания, «в котором засели террористы», такой поступок представлялся правильным, безальтернативным, совершался, исходя из ложно понятой крайней необходимости.

Правовой и экспертологический анализ. Данный типичный случай показывает, что в представлении обвиняемой ее действия были направлены на устранение угрожающей интересам общества и государства опасности единственно возможным способом, описанным выше. При этом в тот момент у жертвы не возникало никакого сомнения в том, что производимые ею действия могли причинить вред менее значительный, чем предотвращенный: умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня (ст. 167 УК РФ) является преступлением менее тяжким по сравнению с терроризмом (ст. 205 УК

РФ). Она, будучи обычной гражданкой, не обладающей какими-либо административными полномочиями, не только не могла, но и не должна была предвидеть своей ошибки относительно отсутствия опасности.

Все это укладывается в субъективную сторону ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость». Однако для квалификации данной статьи необходимо, чтобы опасность реально существовала в объективной действительности, а не только в воображении субъекта [25, 26]. Доктринально такую ситуацию в юридической литературе обозначают как «мнимая крайняя необходимость», которая относится к области юридических ошибок или ошибок субъекта применения норм уголовного права [27]. В основе мнимой крайней необходимости лежит непреднамеренное заблуждение лица, причинившего вред, относительно наличия опасности [25], неправильное представление субъекта относительно общественной опасности совершаемого им деяния [28]. Если лицо не осознавало и, исходя из обстановки происходившего, не могло или не должно было осознавать отсутствие опасности, то имеет место невинное причинение вреда [26].

Вследствие этого мы полагаем, что юридическое значение СПЭ или КСППЭ обвиняемых, совершивших общественно опасные деяния под влиянием телефонных мошенников, играет важную роль в определении ч. 1 ст. 29 УК РФ «Невинное причинение вреда» («Деяние признается совершенным невинно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий»). Предметом экспертизы будет являться способность осознавать общественную опасность своих действий во время совершения деяния (причинения вреда). При определении экспертом-психологом у обвиняемого способности осознавать социальное значение своих действий при субъективном понимании своих действий как устранения опасности, способной причинить вред более значительный, чем собственные действия, суд может сделать вывод о том, что лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий, и, при наличии других признаков ч. 1 ст. 28, признать деяние совершенным невинно¹.

¹ До сих пор психологическому анализу подвергалась только ч. 2 ст. 28 УК РФ [29].

Заключение

Анализ практики СПЭ и КСППЭ, связанных с телефонным мошенничеством, позволил описать психическое (психологическое) состояние жертв преступников, действующих посредством сотовой связи, которое обусловило совершение потерпевшими определенных действий (вплоть до общественно опасных) либо сподвигло их на предоставление конфиденциальной информации, необходимой для хищения их денежных средств.

На основе анализа социально-психологических механизмов формирования и развития такого состояния в качестве основных принципов манипулирования сознанием и поведением граждан можно выделить: апелляцию к значимым ценностям и мотивам, учет индивидуально-психологических особенностей жертв, создание условий

закрытой от воздействий извне коммуникации с целью формирования зависимого поведения. Основной характеристикой психологического состояния пострадавших является состояние заблуждения, в основе которого лежит ошибочное смысловое восприятие и оценка ситуации под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников.

При всей типичности психологического состояния жертв мошенников в зависимости от того, в какой процессуальной роли они выступают в судебном процессе – потерпевшего, истца или обвиняемого, – юридическое значение судебно-психологической оценки такого состояния будет различным, что определяет выделенные в настоящей статье экспертные понятия как частные предметы судебных экспертиз с участием психолога (табл.).

Таблица. Соотношение правовых и экспертных понятий при СПЭ жертв телефонного мошенничества

Table. The ratio of legal and expert concepts in the FPE of victims of telephone fraud

Процессуальный статус	Потерпевший	Истец	Обвиняемый
Юридическое значение	П. «З» ч. 1 ст.63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание»: Отягчающими обстоятельствами признаются: ... совершение преступления в отношении ... беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного.	Ч. 1 ст. 177 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими»: Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной.	Ч. 1 ст. 28 УК РФ «Невиновное причинение вреда»: Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия).
Юридический критерий	Нарушение способности понимать характер и значение действий обвиняемого или оказывать сопротивление.	Нарушение способности понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки.	Неспособность осознавать общественную опасность своих действий во время совершения деяния (причинения вреда).
Экспертное понятие (предмет СПЭ)	Состояние заблуждения (ошибочного смыслового восприятия и оценки ситуации), возникшее под воздействием других лиц, обусловившее: нарушение способности потерпевшего понимать направленность и социальное значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление	неспособность к осознанному принятию решения и его исполнению	неспособность осознавать социальное значение своих действий (понимание своих действий как устранение опасности)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарики, Смысл, 1998. 192 с.
2. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 497 с.
3. Дозорцева Е.Г. Современные методологические принципы производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних // Правовые и криминологические проблемы защиты прав несовершеннолетних: сборник научных трудов. Ч. 2. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2009. С. 52–65.
4. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: пособие для врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. М.: Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 2004. 43 с.
5. Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: методические рекомендации. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 28 с.
6. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Зейгер М.В., Переpravина Ю.О., Христофорова М.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы // Российский психиатрический журнал. 2016. № 2. С. 37–43.
7. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 2. С. 33–45. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017060203>
8. Секераж Т.Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 41–48. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-41-48>
9. Бердников Д.В., Васкэ Е.В., Кузнецов В.О., Секераж Т.Н. Применение специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях, посягающих на общественную нравственность // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 78–94. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-78-94>
10. Гусева О.Н., Сафуанов Ф.С., Смирнова Т.А., Ткаченко А.А., Филатов Т.Ю. Беспомощное (беззащитное) состояние потерпевших по делам о мошенничестве: клинико-психоло-

REFERENCES

1. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Examination in Criminal Proceedings: Scientific and Practical Guide*. Moscow: Gardarika, Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).
2. Kudryavtsev I.A. *Complex Forensic Psychological and Psychiatric Examination*. Moscow: Izdvo Moskovskogo universiteta, 1999. 497 p. (In Russ.).
3. Dozortseva E.G. Modern Methodological Principles of the Production of Complex Forensic Psychological and Psychiatric Assessment of Minors. *Legal and Criminological Problems of Protection of the Rights of Minors: Collection of Scientific Papers. Part 2*. Moscow: Akademiya General'noi prokuratury RF, 2009. P. 52–65. (In Russ.).
4. Dmitrieva T.B., E.V. Makushkin (eds.). *Forensic Psychological Expert Criteria of Affect in the Accused: a Manual for Doctors*. Moscow: Gosudarstvennyi nauchnyi tsentr sotsial'noi i sudebnoi psikhiiatrii im. V.P. Serbskogo, 2004. 43 p. (In Russ.).
5. Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Isaeva I.V. *Criteria for Psychological Evaluation of Legally Relevant Emotional States of Defendants: Methodological Recommendations*. Moscow: FGBU "FMITsPN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2016. 28 p. (In Russ.).
6. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Zeyger M.V., Perepravina Yu.O., Khristoforova M.A. Complex Forensic Psychiatric Examination of Cases Concerning Restriction of Legal Capacity Due to Mental Disorder: Challenges and Prospects. *Russian Psychiatric Journal*. 2016. No. 2. P. 37–43. (In Russ.).
7. Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Activities Aimed at Encouraging Children to Suicidal Behavior: Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 33–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017060203>
8. Sekerazh T.N. Methodical Approach to the Analysis of Information Materials Regarding Public Discredit of the Use of the Armed Forces of the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 41–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-41-48>
9. Berdnikov D.V., Vaske E.V., Kuznetsov V.O., Sekerazh T.N. Use of Specialized Psychological and Linguistic Knowledge in the Study of Information Materials on Cases of Offenses that Infringe on Public Morality. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 78–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-78-94>
10. Guseva O.N., Safuanov F.S., Smirnova T.A., Tkachenko A.A., Filatov T.Yu. Helpless (Defenseless) Condition of Victims in Fraud Cases:

- гические механизмы // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 82–91.
11. Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. Экспертная психолого-психиатрическая диагностика способности к саморегуляции обвиняемых и потерпевших по делам о психическом воздействии // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 6–16.
  12. Reisig M.D., Pratt T.C., Holtfreter K. Perceived Risk of Internet Theft Victimization: Examining the Effects of Social Vulnerability and Financial Impulsivity // *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 36. No. 4. P. 369–384. <https://doi.org/10.1177/0093854808329405>
  13. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // Психология и право. 2015. Т. 5. № 4. С. 80–93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>
  14. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кравцов О.Г. Психологический профиль макиавеллистов в рамках исследования симптомокомплекса жертв манипулятивного поведения // Сибирский психологический журнал. 2020. № 78. С. 6–20. <https://doi.org/10.17223/17267080/78/1>
  15. Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Ениколопов С.Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 138–157. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
  16. Reisig M.D., Holtfreter K. Shopping Fraud Victimization among the Elderly // *Journal of Financial Crime*. 2013. Vol. 20. No. 3. P. 324–337. <https://doi.org/10.1108/JFC-03-2013-0014>
  17. Ревенко Н.И., Васенева Ю.А. Криминалистическая характеристика личности потерпевшего по делам о мошенничестве, совершенном с использованием средств сотовой связи // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы Международной научной конференции (г. Омск, 24 марта 2017 г.) / Отв. ред. Л.А. Терехова. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 120–122.
  18. Мубаракова Е.Н. Психологические особенности жертв мошенничества // Молодой ученый. 2023. № 43 (490). С. 306–308. <https://moluch.ru/archive/490/107118/>
  19. Зотина Е.В. Претекстинг как прием социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 93–99. <https://doi.org/10.37973/KUI.2022.55.63.012>
  20. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
  11. Safuanov F.S., Makushkin E.V. Expert Psychological and Psychiatric Diagnostics of the Ability to Self-Regulate in Accused and Victims in Cases of Mental Impact. *Applied Legal Psychology*. 2017. No. 3. P. 6–16. (In Russ.).
  12. Reisig M.D., Pratt T.C., Holtfreter K. Perceived Risk of Internet Theft Victimization: Examining the Effects of Social Vulnerability and Financial Impulsivity. *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 36. No. 4. P. 369–384. <https://doi.org/10.1177/0093854808329405>
  13. Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Personality Characteristics of Victims of Illegal Attacks on the Internet. *Psychology and Law*. 2015. Vol. 5. No. 4. P. 80–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>
  14. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kravtsov O.G. Psychological Profile of Machiavellians in the Study of the Symptom Complex of Manipulative Behavior Victims. *Siberian Journal of Psychology*. 2020. No. 78. P. 6–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/78/1>
  15. Meshkova N.V., Kudryavtsev V.T., Enikolopov S.N. To the Psychological Portrait of the Victims of Telephone Fraud. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*. 2022. No. 1. P. 138–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
  16. Reisig M.D., Holtfreter K. Shopping Fraud Victimization among the Elderly. *Journal of Financial Crime*. 2013. Vol. 20. No. 3. P. 324–337. <https://doi.org/10.1108/JFC-03-2013-0014>
  17. Revenko N.I., Vaseneva Yu.A. Forensic Characteristics of the Victim's Identity in Cases of Fraud Committed Using Cellular Communications. *Law Enforcement in Public and Private Law: Materials of the International Scientific Conference* / L.A. Terekhova (ed.). Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2017. P. 120–122. (In Russ.).
  18. Mubarakova E.N. Psychological Characteristics of Fraud Victims. *Young Scientist*. 2023. No. 43 (490). P. 306–308. (In Russ.). <https://moluch.ru/archive/490/107118/>
  19. Zotina Ye.V. Pretexting as a Social Engineering Technique Used by Telephone Scammers: a Criminological View of the Problem. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. Vol. 13. No. 4 (50). P. 93–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.37973/KUI.2022.55.63.012>
  20. Dotsenko E.L. *The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection*. Moscow: CheRo, 1997. 344 p. (In Russ.).

21. Ульянова Н.Э. Манипуляция в отношении жертв преступлений и иных правонарушений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (20). С. 73–78.
22. Лабути А.А. «Мобильные» мошенничества: основные способы совершения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 4. № 2 (12). С. 50–55.
23. Секераж Т.Н., Шипшин С.С. Методические рекомендации по производству судебной психологической экспертизы по делам о признании сделок с «пороками воли». М.: ФБУ РЦСЭ при Минюсте России, 2014. 66 с.
24. Переpravина Ю.О. Способность гражданина к совершению сделки: критерии судебно-психологических экспертных оценок // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 153–168. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110411>
25. Жовнир С.А., Спиндовская Л.С. Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к источнику опасности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 120–126.
26. Кальченко Н.В. Крайняя необходимость в уголовном законодательстве Российской Федерации: некоторые вопросы теории // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2022. № 3 (55). С. 24–32.
27. Колосовский В.В. Ошибка субъекта применения норм уголовного права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 108–117.
28. Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву / Отв. ред. Б.С. Маньковский. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 96 с.
29. Ситковская О.Д. Психологическая экспертиза невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 190–197.
21. Ulyanova N.E. Manipulation in Relation to Victims of Crime and Other Offenses. *Victimology*. 2019. No. 2 (20). P. 73–78. (In Russ.).
22. Labutin A.A. “Mobile” Scams: the Main Ways to Commit. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*. 2013. Vol. 4. No. 2 (12). P. 50–55. (In Russ.).
23. Sekerazh T.N., Shipshin S.S. *Methodological Recommendations to Conduct a Forensic Psychological Examination in Cases of Recognition of Transactions with “the Vice of the Will”*. Moscow: RFCFS, 2014. 66 p. (In Russ.).
24. Perepravina Ju.O. Deal-Making Capacity of a Citizen: Criteria for Forensic Psychological Assessment. *Psychology and Law*. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 153–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110411>
25. Zhovnir S.A., Spindovskaya L.S. Conditions of Legality of Extreme Necessity Related to the Source of Danger. *Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) Moscow State Law Academy*. 2021. No. 4 (50). P. 120–126. (In Russ.).
26. Kal’chenko N.V. Extreme Necessity in the Criminal Legislation of the Russian Federation: Some Theoretical Issues. *Proceedings of the Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*. 2022. No. 3 (55). P. 24–32. (In Russ.).
27. Kolosovski V.V. Error of Subject of Application of Norms of Criminal Law. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2018. Vol. 4 (70). No. 1. P. 108–117. (In Russ.).
28. Kirichenko V.F. *The Significance of Mistake in Soviet Criminal Law* / B.S. Man’kovski (ed.). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 96 p. (In Russ.).
29. Sitkovskaya O.D. Psychological Examination of Innocent Injurious Action (Article 28 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Herald of Omsk University. Series Law*. 2016. No. 4 (49). P. 190–197. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сафуанов Фарит Суфиянович – д. психол. н., профессор, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: safuanovf@rambler.ru

Савина Ольга Феликсовна – к. психол. н., ведущий научный сотрудник лаборатории психологии ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»; e-mail: psyhol1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Safuanov Farit Sufiyanovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Psychology, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation; Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; e-mail: safuanovf@rambler.ru

Savina Ol’ga Feliksovna – Candidate of Psychology, Leading researcher of laboratory of psychology, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation; e-mail: psyhol1@yandex.ru

Морозова Марина Валентиновна – к. психол. н., заведующий отделением психологии ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»; e-mail: marina@serbsky.ru

Переpravina Юлия Олеговна – к. психол. н., старший научный сотрудник лаборатории психологии ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»; доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: psyryo@mail.ru

Morozova Marina Valentinovna – Candidate of Psychology, Head of the Psychology Department, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation; e-mail: marina@serbsky.ru

Perepravina Yuliya Olegovna – Candidate of Psychology, Senior researcher of laboratory of psychology, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of Ministry of Health of the Russian Federation; Associate professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; e-mail: psyryo@mail.ru

Статья поступила: 10.02.2024

После доработки: 02.03.2024

Принята к печати: 15.03.2024

Received: February 10, 2024

Revised: March 02, 2024

Accepted: March 15, 2024